Цифры

Автор:
Мария Казакова

Цифры

Мария Петровна Казакова

Книга о побеге от правды и ответственности. Про бег по комнате в бегстве от вируса. Книга о погоне за недостижимым счастьем. Книга про 2020-й год. Впервые книга опубликована летом 2020-го года как экспериментальный текстовый инста-сериал. Она организована как лоскутное одеяло: истории персонажей хаотично собираются в главы без единых пространственно-временных координат. Провинциальный городок, где рождаются глухие дети и казнят ведьм. Юрта, заполненная коврами и деревьями, где старуха-провидица говорит с богами. Утёс, где висит нагая царевна. Москва, где девушки пытаются убаюкать одиночество программированием и селфхармом, где мальчик мечтает о собаке, пока отец кричит на мать в пьяном угаре. Москва, укутавшаяся в карантин и QR-коды, пока жители пьют пиво и шутят о коронавирусе. "Цифры" – книга-воспоминание о том, как мы пережили этот год. Содержит нецензурную брань.

Мария Казакова

Цифры

Предисловие

Посвящается моей стае:

Жучке, Дочке, Дружку, Финику,

Нику, Малышу и моей маме.

Книга о побеге от правды и ответственности.

Книга про бег по комнате в бегстве от вируса.

Книга о погоне за недостижимым счастьем.

Книга про 2020-й год.

Впервые "Цифры" опубликованы летом 2020-го года как экспериментальный текстовый инста-сериал. В течение десяти недель отрывки из книги публиковались в инстаграме автора. Рассказы появлялись в сторис практически ежедневно в 20:20 по московскому времени.

"Цифры" организованы как лоскутное одеяло: истории персонажей хаотично собираются в главы без единых пространственно-временных координат. В рамках инстаграм-проекта читателям предлагалось самостоятельно отгадывать, о каком герое и каком мире они сейчас читают, на основе сюжетных зацепок и особенностей речи героев.

Так же устроена и эта электронная книга. Если Вам захочется послушать плейлисты персонажей или трудно разобраться в сюжетных перипетиях, посетите этот сайт: marikasakowa.wixsite.com/numbers (https://marikasakowa.wixsite.com/numbers).

Чтобы упростить навигацию по вселенной "Цифр", на сайте введено цветовое кодирование сюжетных линий. Желтая подложка блоков означает, что события происходят в Москве в наши дни, в эпоху пандемии. Голубая подложка переносит нас в иные миры и времена. Серая подложка указывает на справочный или сопроводительный характер отрывка.

На кнопках глав прописано название сюжетного вектора. Если у кнопок тождественны названия, это не значит, что в этих отрывках повествование

ведётся от лица одних и тех же героев. Так, будет ошибкой полагать, что в сюжетном векторе "Девочки" во всех отрывках записаны мысли одной и той же героини.

Проект как Figma-прототип электронной книги с мудбордами персонажей (вкладка "Атмосфера их жизни") можно посмотреть тут (https://www.figma.com/proto/tWmuR74AZL4bmJQT1n5QWf/%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1 zoom&node-id=1%3A7). Загружается долго, особенно с телефона, но лучше понять героев и их миры через визуальные образы (картинки) можно только там (на других ресурсах это невозможно ввиду законов об авторском праве).

Приятного Вам чтения!

С уважением,

Мария Казакова (@undine_su_menulio (https://www.instagram.com/undine_su_menulio/)).

Интро

В какой-то момент в твоей жизни остались только цифры.

Цифры – это красиво.

Цифры – это тишина, порядок. Анархия, стремящаяся в иерархию. Архаика, на которой строится современность.

Не осталось любви. Лишь воспоминание о любви. Любовь может быть только к цифрам. Воспоминание о любви – в письмах. А письма ты пишешь не от руки – значит, тоже цифры.

Пытаясь сбежать от шума, ты создаёшь тишину. Генерируешь беззвучие. Убираешь всё лишнее, очищаешь данные своей жизни, чтобы вновь были чётко видны и слышны и Свет, и Слово, и Бог.

Хочется начать быть – и для этого очищаешь корзину, раскидываешь по папочкам замусоренный рабочий стол. Читаешь по ночам Гомера.

Брисеида кажется реальнее близкой подруги. И переживаешь за неё как-то больше. За человеческую подругу сил переживать нет. А вот за бумажную и давно почившую – как раз хватает. И кажется, что этого для жизни вполне достаточно.

Для поддержания жизни.

Откуда взялись эмоции? В какой лощине их бьющий источник? Ведь раньше были они, били они, всесносившим потоком вырывались крушить и прославлять этот мир.

А сейчас – нет. Сейчас – усталость, пустота, одиночество. И это хорошо. Лучше, чем в эпицентре тайфуна. Наверное.

Lieber Wolke 4 mit dir, als unten wieder ganz allein.[1 - «Лучше на четвёртом небе с тобой, чем снова на дне в полном одиночестве» – переосмысление фразы «на седьмом небе от счастья», строчка из немецкой песни.]

Милый Боже!

На этом бесконечном стремительном пути

Не дай мне упасть,

Не дай мне остановиться,

Дай времени напиться воды,

Обнять маму,

Тебе помолиться,

Уснуть,

Забыться,

Проснуться,

И только чтобы опять – бежать.

Девичий голос за твоей спиной: «Пусть лучше они не будут общаться со мной, чем будут общаться неискренне».

Если попытаться наиболее кратко и ёмко описать то, что происходит в её жизни, получится: «Растут зубы мудрости – и режутся они неистово».

Глава 1

Она стояла и смотрела на свои ноги. Простенькие чёрные кожаные ботиночки, у косточек выбиваются белёсые потроха. Подошва держится на вере в себя и честном слове. Она привстала на носочки, чтобы оценить масштабы катастрофы, и пыльные деревянные подмостки под стопами простуженно застонали. «Обиднее всего – вот это», – подумала она. – «Столько людей. Все смотрят. И дырки эти. Глупо. Обидно. Обиднее всего».

В первом ряду за шерстяным балахоном матери прячется трёхлетняя девочка. Выглядывает из-за тяжёлой болотной ткани, прыгают вокруг ушек нежные, молочно-золотистые локоны хвостиков. Она смотрит пристально, безэмоционально, широко раскрыв глаза, как телёнок, стремящийся что-то

лизнуть. Медленно поднимает ладошку, будто не осознавая, и машет ей: «Привет!»

«Глупые дырки», – думает девушка.

Толпа всё плодится, взбивает ногами пыль. Площадь кажется замкнутой: единое пыльное небо, наплевав на правила горизонта, без всяких границ вливается в единую пыльную сушу. Вместо границ – их кашель, их чихи, харчки, мокрота, их крики, брань, любопытство. Небес больше не существует, спасения ждать неоткуда. Осталась только пыль.

Он зычно начал: «Дорогие друзья! Мы собрались здесь…» Толпа усиленно забулькала, устроилась поудобнее и смолкла. Она не вникала в смысл его слов, не было сил – пробуждённости хватало лишь ловить интонации. Он начал нейтрально, протокольно озвучивать чеканные тексты. Постепенно его голос набирал глубину и некий проникновенный бархат. Наверное, таким же голосом он соблазняет кухарок и служанок, прежде чем, забыв про тщетные уговоры, силой вбивать в них неутолимую похоть.

Голос потёк вверх. Он взывал, сокрушался, убеждал, молил, гневил. Его владелец чувствовал себя на вершине ораторского мастерства. Он был из тех, кто строил империи на подлоге, задабривании и лжи, но при этом предпочитал уважительно называть себя бизнесменом. Жирное тело впаивалось в одежду и воняло – опять виновата жена. Но голос – его спасение. Однажды ущупав в себе этот талант, он расковырял среди скепсиса и веру в Господа.

Как и сегодня, перед речью он мысленно молился. Клянчил у бога сил и удачи, чтобы ничто не помешало закопать эту шлюху. Ну и чтоб тело поменьше потело, а то запах мешает провозглашать истину.

На самом проникновенном пассаже утренняя баранина понеслась вверх по горлу с волной отрыжки. Жидкая смесь переваренной кислоты ударила в зубы. Он поперхнулся и выругался. Достал из кармана белый платочек и промокнул маслянистый лоб. «Извиняюсь», – продолжил. Толпа внимала, повинуясь.

Рядом с его грузной, лощёной фигурой она смотрелась нелепо. Худенькая, измождённая, усталые грустные глаза, поблекшие волосы. Чёрненькое платье в пол, в поры ткани забилась пыль. И эти дырявые ботиночки. «Глупо! Обидно», –

ничто больше не влезало в её мысли, не впускалось, не помещалось. Только это она и могла талдычить.

Он был близок к тому, чтобы кончить. Его ярость достигла предела. Опутанная им толпа могла бы засомневаться, кто из двух стоящих перед ними – настоящая ворожея. Но они покорно, по-овечьи, позволяли себя гипнотизировать. Им хотелось верить.

Ярость переполняла его. Все члены налились кровью. На губы скатывался пот, но он тут же сплёвывал его с гневными речами.

«Заберите! Заберите у неё руки!» – он отхаркнул. – «Ими она прокляла наш народ».

Она всё стояла и всё думала о дырках. Трёхлетняя девочка продолжала махать ей ладошкой. С неба оседала пыль.

– Ертын-хайе!

Ветер и стужа сменились на прелость и теплоту юрты. Не поднимая глаз, она вновь прошептала:

– Ертын-хайе, ты здесь?

– Заходи, – ответил ей грубый старческий голос.

– Ертын-хайе, я пришла.

– Я вижу.

– Я решила.

– Руку дай.

Молодая женщина чуть за тридцать протянула ладонь жирной старухе. Карга взяла её палец и приложила к белку своего глаза.

– Говори, что видишь, – прогремела она повелительно.

– Кони. Лес, кони, белые бабочки. Свет. Ветер холодный. Свет белый, розоватые лучи. Иголки ёлок, с них сосульки голубые. Странные, капельками, как ожерелья. Жеребёнок. Будто только родился, ножки слабые. Наступает на лёд, оступается, лужица трескается. Он визжит. Никто не приходит. Звенят сосульки. Льдинки лужиц взмываются вверх белыми бабочками. Всё, тьма. Конец. Не вижу ничего больше. Что это значит, Ертын-хайе?

– Боги ответили «нет».

– Но почему?

– Так решили боги.

– Но Ертын-хайе, я готова. Я обещаю, я готова. Я же говорила, что решила, Ертын-хайе, объясни, почему?

– Уходи из моего дома.

– Но я же сделала всё, как нужно…

– Уходи.

– Ертын-хайе…

– ВОН!!!

Из опущенных глаз потекли слёзы. Капельки впитывались в овечью шкуру и исчезали без следа. Сколько костей было погребено под местом, где она сидела? Сколько разбитых судеб побывало здесь? Сколько раз Ертын-хайе кричала:

«Вон!!!»?

Она начала петь.

– Не смей, – пригрозила Ертын-хайе.

Она продолжала.

Так научила мама, а ту – её мама, а ту – уж и не знать, кто. Песня-вой, песня-стон.

– Прекрати сейчас же. Ты слышишь меня, Данайя?

Песня-просьба. Песня-молитва.

– Данайя, я же сказала, что ничего не смогу сделать.

– Забери у меня ребёнка, Ертын-хайе. Я готова. Я решила. Я сказала.

– Судьба жеребёнка не в моих руках, Данайя. Боги против.

Она вновь завыла.

– УБИРАЙСЯ ОТСЮДА!!!

Она вновь забыла человеческую речь. Только стон. Только овечья шкура под босыми стопами. Только знание, что за пределами юрты – холод и сбивающий с ног ветер. Она продолжала выть.

Карга взяла кувшин с маслом и подожгла палку.

– Я вылью его на тебя, если не уйдёшь, и ты сгоришь.

Данайя подняла на старуху глаза. Посмотрела прямо в её чёрные зрачки, залепленные катарактой. Улыбнулась. Перевела глаза на жертвенный стол. Осмотрела его. Улыбнулась. Заправила волосы за ухо. Вспомнила улыбки

близких. Снова улыбнулась. И сказала:

– Ты права. Прости, Ертын-хайе. Мне и правда пора уходить. Но не так, как ты думаешь.

И схватила кинжал.

Они опять сверлят.

Ступня пролезает под одеяло, ноготь впивается в лоб. Поддеть, потянуть, оторвать. Снять зубами с когтей. Продолжить ощупывать кожу.

Новости одна за другой: вирус, вирус, вирус. Телефон вибрирует, телеграм и вотсап: вирус, вирус, вирус. Италия: 827 смертей, Греция: 100 заболевших, ВОЗ: объявляет пандемию, мемы: как перестать трогать лицо руками, Ангела Меркель: для приветствия улыбки достаточно.

Встречаетесь с друзьями, ищете бар. Друг аР покупает шаурму с лавиной лука: «Всё равно сосямба сегодня не предвидится!» Резонность замечания не спасает от уныния. Теперь вы идёте вчетвером: ты, два твоих друга и луковая вонь. Подставляешь лицо дождю. Свежесть – это избавление.

Покупаете пиво. Сидра со вкусом дыни нет, зато есть арбуз и яблоко. А ещё пиво: вишнёвое и клубничное. Будете пробовать? Да, давайте чуть-чуть. А дай мне тоже попробовать. И мне. Надеюсь, у тебя нет вируса. Нет, я после вас пил, так что если кому и нужно переживать, так это мне.

Все смеются.

Давайте клубничное всем троим. Спукаетесь вниз, холодная сладкая жидкость полощется во рту – лишь пусть глоток даст силу вновь произнести заевшие два слога пяти букв. Глоток, вздох, стук – и голос скажет: «Вирус».

Зачем, если вирус? Что, если вирус? Стоит ли о нём думать?

Жить, несмотря на вирус? Жить, не забывая о вирусе? Жить так, будто он уже кончился? Или так, будто он уже в тебе? Так, будто ты и есть – вирус? Будто вирус – это чей-то общий знакомый, с которым вы всё никак не пересечётесь, но скоро встретитесь? Тогда где, когда? В один из будничных вечеров? На одной из праздничных вечеринок? Встретишь ли ты его как врага или как доброго друга?

Рука трёт глаза, перебирает брови. На щёки осыпается вчерашняя тушь, глаза зудят. Оп – прыщик. Поддавить, отколупать, снять зубами, продолжить.

Плитка отрывается и грохочет о дно подъезда. Штукатурка мечтает, что станет снегом, когда вырастет.

За окном – вверх, в солнечно-голубое небо, взлетают, кружась, кленовые серёжки.

Весна нового десятилетия.

У ног чудовище, о рёбра хлещет ветер.

Красу волос зачем блюсти велела мать?

Кричи, рычи – но кто тебе ответит?

Не эта ж ядовитая разверзнутая пасть?

Морская даль, которой в детстве пела

Ты песнь любви, осыплет тебя льдом.

Пригвожжена, забыта, околела –

Ты смотришь лишь в себя. И юность стала сном.

Тепло лучей и царские улыбки

Забытым эхом уплывают в шум воды.

Ты здесь одна. Псом верным с нюхом прытким

Исчадье ада бдит твои черты –

Но собеседник плох. Слюнявый рот изверзнет

Лишь вонь. Слов добрых ты не жди.

И опостылевше остывшие колени,

Смирясь с судьбой, к утёсу прислони.

Они сказали: «Жди любви и жди спасенья,

Нагое тело разрушает города».

И ты стоишь, пытаешься быть смелой.

Не мужу – смерти жаждешь ты ответить «да».

Настанет день – ты знаешь – избавленье

Тебе пророчили. Вернётся солнца свет.

Сейчас – тоска, мрак, холод, безвременье.

Ткань лёгких горной пылью пропиталась.

Ты – воздух. Тебя нет.

Он есть.

Он здесь, со мной. Совсем рядом.

Его тёплое тельце дышит под соском.

Мой сын. Мой цветочек, мой бутон, самый мой счастливый сон – мой сын.

Язычок облизывает крохотные губки, жеребячьи глазки уставились в пустоту.

Целую его в ушко, а он кряхтит. Так трудно поверить, что он живой.

Я не верю – а он зевает и снова облизывается. Дышит и засыпает. На малюсеньких ноздрях кишмишем вызревают капельки соплей.

Кашляет во сне. Всесильный Боже, прошу, только бы он не болел. Милые боги, молю, избавьте его от страданий. Всю бы себя отдала, лишь бы в тепле и безопасности было это маленькое сопящее тельце.

Он поворачивается и прижимается ко мне поближе. Облизывается и глубоко вздыхает.

До него я не знала любви.

Подожди!

Эй, куда!! Там же все мои пожитки! Я копила на этот билет три месяца! Каждый день звонила жирным уставшим мужикам, чтобы наскрести! Каждую ночь мечтала! И вот так просто – раз – и ты теперь от меня с ними убегаешь? Серьёзно? Да как?

Эй, справедливость!! Ау, я призываю тебя в свидетели! Ты видишь, как просело моё мясо на жопе! Сколько я сидела на стуле перед компом, все вы видели, дорогие присяжные заседатели, и вот теперь – вот такое говнище? Да как такое!

Да я протестую! Верните его сюда, я набью ему морду! У, поганец! Я бы ему пёсьим дерьмом глаза намазала, я бы ему устроила спа-салон с воском, залитым в гланды, я бы ему в задницу швабру вставила, которой каждое грёбаное утро в нашем подъезде стучат.

Работай на удалёнке, говорили они! Это безопасно, говорили они! И вот он смывается с места преступления, будто так и надо! Будто кто-то рождён батрачить и прогибаться, а кто-то рождён царствовать, и почему-то рождаться батрачить угораздило именно меня!!

Ну уж нетушки, подонки, я вам ещё покажу! И кузькину мать, и петруськину, и володькину! Вы у меня ещё попляшете, скоты, поджарятся ещё ваши жопки, помёрзнут на ветру пиписьки. Я так этого не оставлю, вы мне ещё за это заплатите!

Слышите! Я заставлю вас молить о пощаде, вы ещё пожалеете! Так и знайте!!! Я очень в гневе страшна! Прямо скажем, ужасающа! Дрожь по коже! Жилы стынут! Спирает дух!

Ну что, испугались?

Вам стало страшно?

Вы слышите меня?

Эй?

А?? (аэй) по-древнегречески означает «всегда». Это вам не простецкое современное ????? (панда). Аэй – звучит как дыхание. Ха – хэй, breathe – air, а-эй.

Я позвонила ему в 21:18. Он сказал, что сейчас доцелуется на прощание и придёт. Пришёл в 02:36. Он был – как мягкие сущности с картин Дали, а всё вокруг: шкафы, дверные ручки, стены – были его костылями. Он затих. Я пошла искать сына.

Сын забился в угол за комодом. Даже не думала, что он там может поместиться. «Мам, кто там?» – не признал. Не буду говорить правду. Сейчас уложу и подумает, что просто приснилось.

Распахнутая на тумбочке книга Крылова: «Каиб был одним из восточных государей. Имя его наполняло Вселенную». Может, почитать вслух, чтобы поскорее заснул?

Странный шум. Сажаю сына на кровать, иду в комнату, где гремело. На полу щепки. Стоит, как подбитый журавль. Выломал спинку детской кроватки, пытаясь опереться.

Его глаза мутнее, чем Нева. Кричу: «Скотина! Ты всё проебал!»

Слюной захлёбываясь вперемешку с лестью, он булькает в ответ: «Как много чести!

А что же здесь твоё? Ткни пальцем? Покажи?

Ведь, как никак, лишь волею моей позволено тебе здесь жить.

Хочешь уйти?

И городской квартал

Обшастать без гроша,

Чтобы свалиться там,

Где даже бомж б не спал?

Ну что ж, иди.

Твой выбор не велик», – потоком рвоты перервался его крик.

Аэй – вечность, дыхание, безграничность. А-эй, a-way, no way.

Глава 2

Ну что, дело сделано, её вздёрнули. Чисто, красиво, непыльно.

Прачкина дочка визжала, правда, мерзко – до сих пор в ушах звенит. Откуда у малявки только голос такой прорезался? Даже хрип задыхавшейся шалавы не настолько въелся, как этот блядский детский визг. А ведь они даже не были знакомы.

Ну ничего, скоро выветрится.

На улице уже тьма и звенят сверчки. Подышать бы ещё чуть-чуть, лишь бы внутрь не заходить. Но приходится.

Захожу и кричу – по привычке, со злости: «Дамиан!» С кухни выковыливает пожилая нянюшка, со второго этажа семенит жена. Сына нет. Опять кричу: «Дамиан!! Где ты, сукин ребёнок, отзовись! Отец твой пришёл!»

Конечно же, он не придёт, и я знаю это, но ярость не позволяет мне умолкнуть просто так. Не позволяет смириться. И я повторяю отвратный для всех ритуал – раз за разом, день за днём. Я противен сам себе, но не могу остановиться. Я слишком зол. «Дамиан!!!»

Жена спускается и спокойно говорит: «Ну что ты опять кричишь? Он у себя, занимается. Как сегодня прошло?»

Меня раздражает в ней всё. Даже её спокойствие. Хоть я всю глотку сорву, она никогда в ответ голос не повысит – то же мне, выискалась святоша. Даже её полное, дряблое тело. Щёки давно просели, руки бессильно провисли. Даже её причёска. Подкрашивает хной три свои волосинки, пытается скрыть тусклость и седину. Спрашивается, зачем? От кого? Для кого?

Как прошло! Да знала бы она, что я бы лучше всю ночь смачно трахал ту повешенную плоскую сучку, чем сейчас вот так вот стоял перед этой никчёмной обрыдлой брюзгой.

Все они шлюхи, просто каждая – по-своему. Может, и правда не стоило ту ворожею вешать. Никто ведь не знает, ведьма она или нет. Никто не знает, отчего, почему и как наши бабы начали рожать падаль. Это сейчас решили, что она виновата, а завтра вновь очередная шалава изрыгнёт очередное ничтожество – и всё, нам опять придётся искать очередную жертву-виновницу, чтобы успокоить народ. Как же я заебался. Почему нельзя просто рожать нормальных и не усложнять мне жизнь.

«Дамиан, гадёныш, иди сюда!!» Но он не придёт, и я поднимаюсь к нему сам.

Распахиваю дверь детской. Он сидит на ковре и строит замок из кубиков. Замечает движение, оборачивается на меня – и распахивает глаза до размеров солнца. Вскакивает, летит ко мне, с разбегу обнимает. Клянусь, если б он был щенком, его хвост бы отваливался от радости каждый раз, когда он меня видит. Я больше не в силах злиться. Хочу, но не могу. Не способен.

Сажусь на коленки и смотрю ему в глаза. Тык указательным пальцем в его грудь – мах по диагонали двумя вытянутыми пальцами – кулак – мах двумя пальцами снова – ввысь брови в знак вопроса: «Ты как?»

Он отклоняется от меня, чтобы ответить. Тык указательным пальцем в мою грудь – тык им же в пол – тык себе в грудь – хлоп-хлоп тремя пальцами: «Ты здесь – я счастлив».

Обнимаю его и утыкаюсь носом в маленькую шею. Мягкие русые кучеряшки ещё пахнут молоком.

Почему мой сын – урод? Ну почему?

Укладываю его в кроватку, сажусь рядом, беру за ручку. Он улыбается и засыпает.

Завтра я повешу новую блядь.

Его имя – аР. В нём огонь, пожар, вечное пламя. Он горит изнутри, он сейчас – моё знамя. Выход в открытый космос, повелитель зверей и людей, мастер слов, чародей, дивный эльф венценосный. Кто он? Я не знаю, но вечное в нём меня манит.

Вирус, вирус, вирус. Онлайн-трансляции, Медуза и Афиша: вирус, вирус, вирус. Мир: 10 000 смертей, Россия: 100 заболевших, ВОЗ: проводит первое тестирование вакцины. Мемы: про самоизоляцию, раскупленную гречку, туалетную бумагу и видеотрансляции. Главврач московской инфекционной больницы Денис Проценко: я за то, чтобы город закрыли.

А ты идёшь гулять.

По улицам Италии бродят кабаны с поросятами, в каналах Венеции кристально чистая вода, в фонтане Треви резвятся утки, у порта Кальяри играют дельфины. В Китае слоны, в отсутствие людей, напиваются кукурузного виски и безмятежно засыпают в полях. Знакомая из Греции строчит: у нас стал чище воздух. В Москве это также единственное значимое изменение – но всё же достаточный повод, чтобы сбежать из дома.

Небо – сине-голубой закатный градиент. В тишину пустынных улиц прокрадываются колокольчики – подрагивает звонок на велосипедах курьеров Яндекс.Еды. Их жёлтые спины проносятся вдоль по синему небу – ???????.

На колёса испуганно оборачивается тёмный французский бульдог. Он сидит у несоразмерно массивного здания сталинских времён, и суровые собачьи черты меркнут в сравнении с исполинским гранитом. Пытается как можно сильнее поджать лапки, чтобы на стылой плитке не так зябко было сидеть, но получается не очень – и тонкий хвостик неестественно изгибается в судороге.

[2 - Фото из личного архива автора. В дни, когда сделано это фото, в Италии был пик эпидемии коронавируса. В Москве ещё не ввели режим самоизоляции, и люди всё ещё выбирались по вечерам в рестораны и кафе. Но порог ресторана итальянской кухни не переступал ни один посетитель – видимо, из-за какого-то суеверного страха. Опустевший интерьер итальянского ресторана в карусели после фото собаки тут (https://www.instagram.com/p/B-ApSYUnxUY/).]

Над большеглазой мордашкой отсвечивают два перечёркнутых круга: с собаками нельзя и курение запрещено. Он принюхивается к кнопке вызова персонала для людей с инвалидностью, но тут же отдёргивается: вжух! – прямо над его ушками проносится очередной велосипед.

Проходит три часа – и ты совсем запутываешься. Район тебе не знаком. Под ногами – трамвайные пути, под мостом – железнодорожные. Тьма взбалтывается неизвестной природы паром, в лёгкие пробирается запах горелой проводки. Из

некогда жилого дома торчат деревянно-волокняные потроха. Кто-то ласково вставил в них маленькие разноцветные камушки, они поблёскивают в свете фонаря – забытая сокровищница египетских пирамид.

[3 - Фото из личного архива автора]

В храме напротив – от асфальта до купола вытянулся аккуратненький застекленный лифт. Его тёмно-бирюзовая оболочка мягко оттеняет лазурит храмовых стен. Тебя внутренне коробит. Почему? Ну лифт и лифт? Что плохого в том, что батюшки добираются до небес в механической коробочке, тем более такой симпатичной? Не можешь побороть пренебрежение и презрительно усмехаешься.

Очень замёрзли руки, и очень хочется в туалет.

Мимо статуй Церетели и заброшенных особняков, мимо университетских корпусов и автобусных остановок ты бредёшь в поисках выхода, но он ускользает и переводит тебя на новый виток. Навигатор перестал быть уверен хоть в чём-то и апатично вскинул кверху лапки.

Наконец, набредаешь на свой же университет. Через стеклянную стену видишь, что весь свет включён. Яркими холодными лучами освещено всё: от турникетов и умного гардероба до лестниц и вендинговых аппаратов. Только вот людей нет.

Ещё неделю назад здесь проходили два студента бакалавриата, парень и девушка. Он читал ей наизусть «А судьи кто», с выражением и харизмой, а она улыбалось вовсю – маленькая девчонка в красной майке с большими глазами и тёмным каре. В такт его словам она спрыгивала по ступенькам лестницы:

Где,

Укажите нам,

Отечества

Отцы,

Которых

Мы должны

Принять

За образцы?

Всего неделя – и вот по этим ступенькам прыгает лишь коротящий свет.

Ты бредёшь дальше, руки потеряли чувствительность, мочевой пузырь натянут как бурдюки, на которых афганские моджахеды переплывали реки.

В кармане куртки вибрирует телефон. Сообщение от аР: «слушаю уже в 15 раз». Блин, холодрыга такая, сейчас ещё наушники доставать, ну нафиг, лучше потренируешься свистеть. Губки в трубочку – музыкальное состязание с ветром.

Одинокий пенсионер посреди пустоты возвещает, что там, под вывеской «Кофе. Цветы. Банк», можно купить «даже бург’еры!!!». Краснодарская «г» неожиданно придаёт слову «бург’еры» неаполитанский акцент. Представляешь, как был бы он счастлив, если бы к нему в этот пустынный мороз ворвались тёплые южные Сильвии и Франчески. Вместо этого, в твои мечты вновь врывается вибрация: «послушай песню!!!»

Ну ладно, ведь не отстанет. Кол-во наушников: 2, кол-во работающих: 1, кол-во амбушюр: 0. Розовые провода могли бы стать вдохновением для профи-йогов. Ну ладно. Play.

Тепло. Окутывает, обволакивает. Тепло, лето, счастье. Как название фильма: «Лето. Одноклассники. Любовь». Мягкий женский голос укутывает: «Hey, hey, hey – marry me, Archie!» Тепло заполняет лёгкие, вырывается из грудной клетки,

отогревает руки. В клипе девушка в полосатом свитере с разбегу плюхается в океан. С последними брызгами тебя настигает счастье.

Бредёшь по промзоне, из наушников струится свет. Застреваешь на граффити под колючей проволокой. Размышляешь: «Странные мы, люди, существа! Столько всего открыли: золотое сечение, законы гравитации, атомную энергию… Тысячи лет уже бродим по планете, а всё-таки главная гравитация, которая повелевает людскими мозгами, сосредоточена в огромных жёлтых буквах: «ЮЛИАНА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ!»»

Достаёшь телефон, открываешь диалог с аР, пишешь: «спасибо, бро, мне теперь очень тепло». А он, в ответ на предыдущее сообщение: «хочешь поссать – поссы.», – и скидывает свою довольную мордашку.

Смеёшься, выключаешь телефон, идёшь домой. Над рекой вздыхаешь полной грудью: воздух и правда стал свежим.

Глава 3

Трахею царапает ночной алкоголь, выцепляю глазами логин-пароль, чтобы, спрятав лицо за личиной чужой, узнать, о чём думает миленький мой. Втолочь в поиск буквы и нажать «Ввод» – сейчас я узнаю, чем он живёт; его музыка, видео, группы – всё! – охватит тоскующих глаз полёт.

Стоп! – кипятком каждый орган во мне обожгло.

Что? – прорывает нутро разбитое стекло.

Как?! – я не верю, скрежещет в ушах немой визг.

Почему… – прекратилось дыхание, замерла жизнь.

Он влюблён. Да, влюблён, эти буквы не врут. Не в меня. Как возможно? Почему вдруг?

Упущен!

Ушёл!

Проиграла!

Позор!

Я знаю лекарство. Словно карманный вор, пробираюсь к воде и, нащупав стакан, подцепляю – увы! – но не средство для ванн.

Моё тело прекрасно. Так юно, свежо. Ему могло бы понравиться.

В голове пелена. Тяжелеет рука. Мне иначе с этим не справиться.

Красиво и весело.

Ворожит ворожея, пот стекает по шее, и на коже ног расцветают бутоны алых цветов.

Кровавое месиво.

Мама станет ругать, но она не узнает. Будь же счастлив с той, с кем ты рядом проснуться готов.

Бог Солнца Ра из любимых египетских сказок оказался бессмертным хранителем девичьих душ. Нет, он не Ра! Вампир Аро из «Сумерек»! Кровоглазый палач-дворянин… Блин, кожа горит. Чтобы боль чуть облегчить, направляю на ляжки горячий душ.

Надо спать. Завтра снова напяливать джинсы, хоть известно, что ткань будет больно тереть. Отпускать. В медитации нет больше смысла. Как за птицами в небе, за запёкшейся кровью часами смотреть.[4 - Про селфхарм и дерматилломанию (#litres_trial_promo)]

Самое адреналиновое, когда пишешь код – это чувство, что он у тебя не получается.

Гуманитариям со стороны кажется, что программирование – это жутко скучное занятие. Много цифр и букв, странных отступов и всяких скобочек – в целом, мало похоже на поэму Марины Цветаевой или фантастический роман.

На деле же каждое написание нового кода похоже на битву с Драконом. Это настолько поглощает, что забываешь всё вокруг: где ты, кто ты, во что ты одет и день ли за окном. Всё, на чём сосредоточено твоё внимание, это идея – и её воплощение, которое не хочет клеиться.

И ты чувствуешь – нутром! поджилками! – что есть для твоей задумки какое-то элегантное решение в пару строк, но оно никак не приходит в голову и не попадается в StackOverflow. Дракон посмеивается, ковыряется в зубах, наблюдает, как у тебя зудят поджилки и расходятся кишки, но после нескольких часов утомительной битвы и несчётных чашек чая и кофе, ты вонзаешь в его сердце заключительные Ctrl+Enter – и он рассыпается, превращаясь в произведение искусства.

Ты любишь свои скрипты, как родных детей – в каком-то смысле ведь они и есть дети твоего разума. Пересматриваешь старые коды, которые ты писала, когда ещё только начинала учиться – и растроганно смахиваешь слезу умиления.

Твой первый код, которым ты гордилась, должен был вылавливать программистов в Тиндере. Незамысловатые строки на питоне, написанные за пару предновогодних ночей, обрабатывали алфавит и выдавали:

«If you tell me the right answer, maybe I am your True <3

Let’s go swimming, hugging, dancing. I’ll be gentle like a dove»

Увы! Вечную любовь ты там так и не нашла, хотя отдельных типов впечатлила.

Вирус-вирус-вирус. Ангела Меркель ушла на карантин. Да кого это волнует, господи? У тебя код не получается!!! Пиши давай, а не прокрастинируй!

Мая мама – самая красивая мама на свете!!! Она харошая и добрая и умная.

Када я падаю с вилосипеда она мне дует на каленочки и гладит и абнимает. Нидавна я упал но был с папой и папа сказал не реви станеш мущиной а мама гаварит я и так хароший и мама говорит што плакать можна если хочеца. Папа гаварит што взрослых надо слушаца всегда патаму што взрослые старше и монарше но я не знаю што такое монарше но я думаю что мама старше и взрослее всех взрослых и папы тоже паэтому я решил слушаца толька её.

Када я был маленким я думал што на свете есть адна мама мая мама но патом я пришол в садик и после абеда Петька сказал скора мама придёт но пришла какаято тётя и забрала Петьку а мая мама пришла вечером после тихава часа и так я понял что Петькина мама это не моя а моя не Петькина. Ну и слава богу. Так взрослые гаварят но я не очин знаю зачем богу слава. Его и так все знают. А меня никто не знает например. И маю маму знаю только я и папа и другие взрослые и маи друзя в садике. Но не все все все люди на свете. А я бы хотел чтобы все все все знали про маю маму. Она патаму што очин замечателная.

Но я всё таки рад што у Петьки свая мама патаму што если бы Петька был и для маей мамы сын мы бы жыли вместе а я не хачу. На тихам часе када васпитателница уходит Петька пердит и хахочет. Девачки растраиваюца и шыпят фу перестань и Алёнка плачет патаму што очин любит спать но Петька мешает а я хахачу тоже изза девчонак и патаму што Петька азорник но сам тоже растраиваюсь патаму што пахнет ужасна. Так каждый ден в садике. Я бы не хател паэтому штобы Петька со мной жыл. Если он так каждый ден будет делать у меня дома это будет савсем не смишно. Харашо што мая мама только мая.

Сам я никогда в садике не пердю штобы девачки не плакали и не шыпели как змеюки но иногда мне тоже хочеца быть азорником как Петька. Но я хачу как нибуть падругому быть азорником. Пока я не придумал как. Над нами живёт дядя Игорь у него усища как варабйи и всегда слышно када он чихает и я

хахачу. Нидавна он чихнул и в тот же миг на улице включились все фанари и я думаю теперь вот он азорник или валшебник?

Мама гаварит што не нужно переживать патаму што я и так самый азорниковый азорник и самый валшебниковый валшебник на свете и я радуюсь но кажеца мама хочет штобы я был рад и паэтаму так гаварит а на самом деле я ещё не самый азорниковый азорник и не самый валшебниковый валшебник но я думаю што каданибуть точна буду.

Мая мама работает припад пре пад аававателницей. Это как васпитателница только для взрослых. Мама гаварит што её ученики это савсем ещё дети но я видел кой каво из них и у аднаво была барода. Я ребёнак то есть я уже канешно старше стал чем када мне было два года два месяца и три дня я тогда белачку увидел первый рас в парке Саколиники но я всё равно ребёнак. Вобщем у меня нет бароды и у Петьки нет а у таво дяди была каричневая с зоветушками и он был высокий очин выше папы. Я не знаю как можно быт ребёнкам с барадой для миня это загатка. Мама гаварит што все люди на самом деле дети и она тоже но если мама старше всех на свете и даже она ребёнак то кто тада взрослые?

Ваабще мне кажеца што очин многое на самом деле не такое как не на самом деле. Кажеца однако а на самом деле другяко.

Када я хажу басиком у миня пятки грязные и мама гаварит ой их сабаки даже есть не будут фуфуфу. Не знаю зачем сабакам маи пятки но каждый раз хахачу и хачу штобы мама ищо так сказала.

У мамы руки краснючие часто особена када папа дамой позна приходит как качели и мама пережывает и кладёт меня спать а я падслушиваю хатя падслушивать нехарашо это все знают. У неё чишуя на руках как у рыбы каторая на сонце многа лежала и загарела. Мама гаварит што это очин балюче и што боль уходит в кости. Я представляю што боль это девочка и у неё шляпка красивая красная и платьэ как у васпитателницы и туфелки на каблучьках и она уходит к маме в кости как Алёнка уходит спать када тихий час. Я расказал маме про Алёнку и она улыбалась. Я хотел штобы мама ищо улыбалась и сказал што у неё такие руки што сабаки есть не будут но мама не расмеялась а расплакалась и я растроился тоже. Я не хотел мне казалось будет смишно как када мама гаварит мне про пятки.

Моя любимая игрушка это Роки из мултика Щинячей патруль. Я надеюс што каданить у меня будет настоящий щинок но сейчас Роки мой лудший друг. В мултике у Роки есть лудший друг Маршал и мы с Петькой решили что он Маршал а я Роки. Роки супер.

Вчира папа апять вирнулся дамой позна и мама ругалась а папа пыхтел и падал а патом захрапел а мама ему расказывала всякие истории разные. Не знаю зачем она это делала патаму што он спал и не слышал зато я абнимал Роки и слушал так што харашо што она это расказывала и Роки слушал тоже. Я правда не понял много штук. Например она сказала што ей пазванили греки и сказали што не будут с ней встречаца изза Каронайо из Китая. Мама сказала што сначала не поняла кто такой Каронайос а потом поняла што это Кавид и засмиялась. Не знаю как можна не хотеть встречаца с маей мамой она ведь такая замечателная. Я решил што эти греки навернае савсем дураки.

Типерь мне жутко интересно кто же такой Кавид Каронайос но я стесняюсь спросить маму патаму што я это падслушал а падслушивать нехарашо. Роки щитает што мама меня всё равно любит так што спрасить можна но я пака не уверин. Роки придлажил штобы я сказал што это он падслушал а я спал крепко крепко и не слышал ничево и што это всё Роки расказал мне патом утром. Не знаю как быт.

Мама сказала што пока в садик я хадить не буду так што у Петьки тоже не смогу спросить савета и у Алёнки тоже. Я Алёнке сделал открытку с бусинками карсивую но тада патом падарю када опять можна будет хадить в садик.

Батюшки-светы, да как же это возможно-то? На Пасху-то в Храм Господень – и нельзя? Да что же это делается-то такое, люди добрые! Где же это видано! Как-никак, Антихриста происки, всё верно отец Сергий говорил, не иначе!

В Светло Христово Воскресение – и людей не видеть, не христосоваться! Мать честная, да за что же нам такое наказание-то! В церкву не ходить, звону колокольнему не любоваться!

Патриарх вон чё придумал, читайте, мол, дома над куличами тропарь да водой брызгайте. Вот так когда Христа распинали, так все дома-то и сидели-посиживали, трусы просиживали! Вот и случилось так распятие! Сидите дома, к Христу не выходите, ангелов Божиих не слушайте!

А в том-то году какая Пасха красная была! Матушка Ксения яички мои похвалила, красиво-то как разукрашены, говорит, вот Господу-то приятно будет, что мы так за него радуемся.

А в этом году: сидите все по домам, ироды! Носу своего из дому не высовывайте в Светлый Христов День. Да скажи нам такое в прошлом году – да разве мы бы поверили?

Вот и небо всё тучами затянуло. Видит всё Бог, гневается! Ничего от него не спрячешь! Сколько на свете живу – землю топчу – так и не было ни разу на Пасху ни облачка. А тут – муть, а не небо! Разгневался Бог, заслонился от нас, не хочет видеть предателей своих.

Он нам – любовь, а мы ему – извини, дружище, для нас важнее продовольствие и шкура телесная. Ты-де далеко, а шкура-то наша поближе будет. Мы её лучше побережём, а ты там уж и сам как-нибудь управишься, без нашей помощи воскреснешь. В Ашан – это завсегда можно, а к тебе в Храм светлой милости причаститься – это уж уволь, как-нибудь в другой раз!

Иииииииииии, люди добрые, да как же это возможно-то! Остановите нашествие Антихриста, пустите к Господу!

Щека. Горячо тепло. Сухо, шершаво. Ладонь, старушки.

Шея. Хрип, кашель. Не вижу. Боль, боль в голове. Молоко в глазах, уберите. Шея, трёт, рвёт, хрип, рука к шее – верёвки нет.

По щеке вверх-вниз. Горячо вода – кап. Кап. На нос кап. На лоб кап.

«Мелайна».

Кап на глаз. Кап на ухо. Ладонь по щеке вверх-вниз, по волосам. Тепло, как дома.

«Ты вернулась!»

Молоко отплыв. Щека снизу – ворс. Пыль, запах пыли в нос, уберите. Красное –что? Стол? Кровь? Ковёр? Красное, жёлтое, ворс брак с щекой – ковёр.

«Мелайна, ты вернулась»

Кап-кап. Дайте увидеть. Шея разрыв, разрез, трёт, больно, уберите.

Вхшелюх – аааа! – вода на лицо! Ведро? Всё? Аааа! Холодно, холодно! Глаза, щиплет! Аааааа, холодно! Платье, мокро!

«Мелайна, очнись! Просыпайся!»

Руки старушки плечи хвать, трясти не надо, голова боль, мокро холодно, а!

«Мелайна! Ботинки, вон, совсем уже прохудились! И как ты силы нашла в этот раз вернуться? Девочка моя, лапонька моя, хорошечка, я так боялась за тебя! Я думала, мне не видеть тебя больше! Так сердце изболелось! Как я без тебя, доченька? Мелайна, очнись, просыпайся! Пожалуйста! Вернись ко мне! Ну, давай!»

В горле бурлит. Кровь, жижа, мокрота, сухость, ножи, верёвки, режет, не могу, больно, больно, не могу сказать, не могу больше, не могу, останови, стоп, хватит.

«Ну ответь что-нибудь!»

Желчь, кисло, горло режет, шея больно, рот сухо, холодно, ворс щека трёт, кожа треск, жилы наружу. Силы в грудь, вдох, скрежет: «Ер… я ту… дом!»

Выдох, бух, тьма.

Надпись на камне: «Не нужно отрицать бога, чтобы с ним встретиться».

Глава 4

Вирус, вирус, вирус. Россия на карантине, у границ Москвы километровые очереди, в метро давка из-за полицейских. Толпятся, вбивают вручную номера QR-кодов.

Ты бегаешь по комнате.

Стопы отлетают от паркета, об стенки хлыщет на бегу нечёсаная грива.

Над тобой – потолок, над потолком – кровать, на кровати – соседка, на соседке – армянин.

Соседка стонет в такт твоим стопам. Ты бежишь быстрее, пытаешься перегнать стук кровати о потолок. У соседки дома – ни дочери, ни матери – лишь новый мужчина и звериные стоны. Бежишь на кухню – вой соседки отдаляется, бежишь в комнату – над головой ишачий визг. Дочь и мать вернутся домой, спросят: что поесть? Соседка ответит: шаром покати, сходите в магазин.

Литрес – 100 рублей – скачиваешь книгу с причудливым названием. Что-то про апрель и теоремы – как раз то, что нужно.

Первый абзац: «А что, если мир, как в том фильме, – это компьютерная матрица?». Бросаешь телефон на стиральную машинку, включаешь воду: горячая, холодная, из вытяжки – вонь химикатов, смотришь в зеркало – и опять бежишь.

Комната – кухня – комната, в ванной журчит вода, над головой стонет соседка. Комната – кухня – комната, за окном идёт дождь, слепая старуха кричит: «Зулейха!»

Комната – кухня – комната. Мышцы напрягаются, свищет ветер, ты чувствуешь себя живой.

Сталкеришь парня, с которым учишься. Последнее «живое» о нём воспоминание – покупает кофе на углу закоулка. Он – один, кофе – один, глаза – два, и оба – грустные. Видит тебя – улыбается: «Пока! До скорой встречи! Придёшь в следующий раз? Тогда увидимся!»

Голос неприятный. Но в целом он норм. Так что сталкеришь.

Внезапно – он идеален.

Он слушает те же песни, что и ты. Смотрит те же видео – и уже не первый год. Читает те же паблики – в подписках ни одного позорного. Ездил на стажировку в Рим. У него красивые пальцы. И брови, как у тебя. Вы бы идеально смотрелись вместе. Он – идеален.

Вы линейно зависимые уравнения. Если мир – это матрица, то вы – линейно зависимы.

Ты бегаешь по комнате.

Одна история, одно уравнение, взятое с разным коэффициентом.

Стопы отрываются от земли.

Вы бы образовали идеальную систему, вы слушаете один курс, вы любите одно и то же, вы сошлись в одной точке.

Из распахнутого окна на пол хлещет дождь.

Значит, вы избыточны, значит, матрицу можно сжать до ранга, значит, он – это уже ты, значит, ты – это уже он, значит, вы друг другу не нужны, значит, он тебе не нужен.

Ты рушишься на кровать. Соседка издаёт финальный стон.

Значит, лучше остаться одной.

Дождь за окном и на полу, вода в ванной и на полу, слёзы на лице и на постели.

А зачем.

Вирус, вирус, вирус. Заполненный водой апрель.

Солнечные лучи затопили площадь, убаюкивают пыль, прогревают землю.

Утро, ещё совсем рано, почти нет никого. Подтягиваются первые сонные продавцы, вытаскивают товар из телег и сумок, раскладывают его на кособоких столах. Зевают, потягиваются, судачат о своём.

Она повернулась лицом к солнцу и старалась не закрывать глаза. Известная забава: таращиться на него так долго, что либо мир расплавится в твоей слепоте, либо ты увидишь нечто иное. Интересно, а стал ли от солнца белок глаз таким же лимонно-золотистым, как и его лучи? Жаль, нет средства проверить.

Глаза щиплет, мир сжимается и раскрывается вновь. Сквозь пульсирующие веки – болючий сияющий шар. Интересно, а играла ли так та девушка с чёрными волосами, когда была маленькой?

Представив, что погрузилась в транс, она закрывает глаза и отворачивается. Распахивает веки, но видит только золотые пятна, облепившие Вселенную. Теперь она царь Мидас из маминой сказки! Даже могущественнее! Не нужно

касаться предметов, чтобы они превратились в чистое золото.

Ветер принёс запах апельсинов. Не выплывая из солнечного транса, она дрейфует сквозь золото к невидимым фруктам, как мореплаватели, что держат курс к неведомым землям в поисках шёлка.

Её маме на днях заказали почистить персидский ковёр из земель Каибовых. Она не знала, где Персия и добрые ли там люди, но ковёр завораживал. Там были и луны, и солнца, и цветы, и узоры разные. Ночью, тайком от мамы, она пробралась к нему, чтобы ещё раз хорошенечко рассмотреть, и почему-то подумалось, что наверняка в месте, куда попала черноволосая девушка, повсюду такие ковры.

Сквозь золото проступил апельсин. Она протянула к нему ладошку – маленькие шершавочки заветного шара. Взяла в ладони – тяжёленький. Поднесла к носу – свежий. Закрывает глаза, раскрывает рот и…

Хлысть! Полосой по оголённым икрам обжигающая боль, золотой мир распадается, апельсин выкатывается из рук и теряется в пыли. Оборачивается – а там глава города, туча без берегов, машет руками: «Стащила. Деньги где?» Хлысть – жирной ладонью наотмашь по детской щеке, на белые кудряшки спрыгивают слёзы, крохотные ручки саднятся об пыльную твердь.

Мир крошится, рвётся, ломается. Золотые пластинки звенят и осыпаются на землю.

Она не слышит, как торговка кричит: «Стойте! Зачем же так! Пусть взяла бы, это же просто ребёнок! Ну зачем Вы так, у Вас же самого сын, её ровесник! Она же просто играла! Детям полезны фрукты! Мы бы потом с её матерью рассчитались, как следует, все же тут знают друг друга! Зачем Вы это? Зачем жестокость?»

Она не слышит, как он отвечает: «Мы не можем вытравить падаль, но должны пресекать в ней мерзость».

Дамиан всего этого не заметил. Он стоял поодаль и любовался на оловянные фигурки. Разная одежда, разные причёски, разные позы. Каждый человечек – уникален! У каждого свои секретики, в каждом – свои чудеса.

Он обернулся на отца и громко захлопал в ладоши, привлекая его внимание. Ой. Отец опять потный, глаза надуты, на земле тяжело дышит маленькая девочка, облачные кучеряшки чешутся в пыли. Кто её обидел? Папа хочет её спасти?

Дамиан бежит к девочке, простирает к ней руки, врезается в ногу отца, осекается о кровавые белки его глаз и жесты: «Ты едешь домой. В колесницу. Быстро». Дамиан в замешательстве: «Девочка?». Отец взмок и покраснел, дышит тяжелее, пыхтит свирепее. Дамиан боится и повинуется.

Девочка пытается решить, что больнее: солёная вода, капающая в ссадины, солнечные лучи, втекающие в глаза, или человеческая злоба, ворвавшаяся в золотой мир.

Шаги жирного удаляются. Торговка берёт за плечи и целует в молочную головку. Гладит, обнимает, чистит апельсин.

Мария Луиза Вайсман (1899-1929) «Маленькая коллекция кактусов, 1»

из сборника «Лесное сердце», пер. А. Чёрного

Так царь Мидас терзался мукой страсти

Повсюду видеть отблеск золотой,

И даже на пиру вино и сласти,

Песок дороги под его пятой –

Всё для страдальца превращалось в злато

Проклятое. Вот так и я – в огне,

От каждого касания расплата

За страсть мою и боль готова мне,

И ты за мной повсюду неизбежно

Землёй и небом следуешь, как цель,

Напоминая, настигая нежно.

И даже если, выдумкой губя,

Посмею я, превозмогая хмель,

Тебя избегнуть – вновь найду тебя.

Онлайн-пара в Zoom:

– Видел ли кто-то из вас когда-нибудь буддийскую ступу? Это такое религиозное сооружение – не подумайте, ничего общего с кухонной ступой, в которой можно что-то пестиком толочь. И Баба Яга тоже не в такой ступе по миру путешествовала. Нет, у буддистов ступа – это культовый монумент, часто полусферической формы, к которому ведут этакие ступеньки. Я сейчас включу демонстрацию экрана, покажу вам.

Так вот. Гандхарские берестяные манускрипты – это одни из древнейших буддистских документов, нам доступных. Первый век до нашей эры.

– А где находится Гандхара?

– Это территория между Пакистаном и Афганистаном. Северо-западный Пакистан, восточный Афганистан.

– Понятно, спасибо!

– Пожалуйста, Лиза. Так вот. Манускрипты были найдены внутри сосудов, захороненных либо в самих ступах, либо неподалёку от них. Иногда, кстати говоря, в сосуды помещали и хоронили уже довольно потасканные и истрёпанные документы. Не полноценные манускрипты, а, скорее, их останки.

Интересно, что ровно таким же образом и в тех же местах хоронили и буддийских монахов. Помещали останки в специальные погребальные вазы, а сами сосуды хоронили в ступах или неподалёку. Ричард Саломон, профессор из Вашингтона, считает это неплохим доказательством, что и тексты, и почившие монахи были равноценными носителями Дхармы – просто в разных формах. Равные по значению для культуры символы, носители, трансляторы Дхармы. То есть текст не обесценивался, а ставился вровень человеческому существу.

Кстати, вы знали, что для создания одного из красителей – не во времена Гандхары, а позднее, правда, но всё же – использовали коровью урину? Получался жёлтый цвет с особым загадочным блеском. Пожалуй, сейчас мы бы назвали его люминисцентным. Поговаривают даже, что для производства этой урины выращивали специальных коров. Они питались лишь листьями манго да водой – и ничем больше. Извините, что отвлеклась от темы, зато теперь у вас есть ещё одна байка, чтобы удивлять друзей за пивом. Что ж, вернёмся от коров к нашим баранам.

Итак, представьте. Вы – археологи, и вы обнаруживаете в ступе сосуд, в котором наверняка прячется какой-то текст. Вам, конечно же, хочется прочитать этот текст. Но сама ваза – не менее древняя. У неё самой как у предмета есть характеристики, которые также могут быть весьма ценны и интересны как для науки, так и для культуры, и для общества в целом. Но текст не достать из заточения без разрушения материнского сосуда. Вы должны сделать выбор: либо ваза, либо текст в ней. Либо мать, либо дитя.

С той же проблемой сталкиваются исследователи по всему миру. Например, в Египте. Не только фараонам, но и обычным людям хотелось попадать в рай после смерти. Ритуальным целям – ритуальный ответ. У древних египтян не было

средств на полноценные саркофаги и посмертные украшения, и потому они упаковывали тела в разукрашенные картонажи, стилизованные под гробницы фараонов. Конечно, выглядит это далеко не так богато, но, будем надеяться, что все эти люди успешно добрались до рая.

Кстати, забавное слово, вы не замечали? ??????????, саркофаг. Это даже не существительное изначально, это эпитет к слову «камень». «Камень, плоть поедающий». Саркофаг. Древние, всё-таки, были романтиками.

Но что касается картонажей, то там, конечно, речь ни о каких каменных гробницах не шла. Снаружи часто были доски обычные, кое-как сколоченные, а сам картонаж – это та самая обёртка мумии. Вот то, что вы, наверное, представляете себе при слове «египетская мумия» – и есть картонаж. Саркофаг для бедных.

По сути, картонаж – это слепленные воедино использованные папирусы. Представьте себе стопку спрессованной бумаги, пропитанной клеем. С одной стороны, такой массой – пока она ещё сырая – удобно оборачивать предметы. С другой стороны, когда масса застывает, она становится достаточно твёрдой, чтобы использовать её как защиту внутреннего от внешнего. И раскрасить можно поверх узорчиками всякими. Глазки на лице нарисовать, например, парик, медальоны на шее – и так далее.

Так не только людей хоронили. В Тебтунисе, например, найдены мумии священных крокодильчиков, также упакованных в красивый картонаж.

И вот мы находим такую мумию. И такая она красивая, такая она древняя. Художник старался, расписывал её. Хорошо. А под росписями – что? В слоях картонажа – что? На слепленных папирусах – что?

Бесполезные расписки? Или стихотворение Сапфо? Письмо сына-врача матери о том, что он приедет домой позже, чем обещал, потому что в Александрии вспыхнуло восстание, и у него теперь много работы? Или Гомер? Или истёртые листы, на которых невозможно будет что-либо прочитать?

Никто никогда не знает заранее.

Легче, конечно, когда условная буддийская ваза уже раскрошилась донельзя. Или когда содержимое легко выпадает из сосуда. Или когда с картонажа стёрлись все росписи, и сам он уже порядком подразвалился. Тогда – понятно, предпочтение отдаётся тексту. А если нет? Если исходный найденный предмет – тоже хорош и ценен, как и возможно сокрытое в нём содержание?

Таким образом, археологам и другим исследователям всегда нужно сделать важнейший, принципиальный этический выбор. Что важнее: сосуд – или текст, который в нём содержится? Папирусы – или картонаж, который из них состоит?

– Так вот почему Бодлер говорил: “A sweetheart is a bottle of wine, a wife is a wine bottle“.

– аР, я ценю Вашу начитанность, но мизогиния Вам не к лицу.

Когда ей тварь плоть раздирала,

Ты знаешь, как она кричала?

Молилась, без сил говорить,

Хоть бы он смог её убить.

Пламя сжигало её грудь,

И она силилась вздохнуть,

Но ледяной воды потоп

Врывался и душил взахлёб.

И день за днём, за часом час,

На диво эфиопьих глаз,

Как дикий и чумной примат,

Живой кунсткамер экспонат,

Она болталась среди скал,

Китовий метился оскал,

И слышал каждый эфиоп

Хрустящий тела стук об столб.

Глава 5

Диалоги ВКонтакте

[5 - Все скрины созданы специально для книги. Это часть повествования, а не переписка реальных людей.]

––

--

--

--

--

--

--

--

--

Из детской книжки, распахнутой на кроватке сына университетской преподавательницы:

«Дед Ветер сидит в интернете»

Дед Ветер сидит в интернете,

Туманят его социальные сети.

«Автор самой большой паутины на свете –

Что ж за паук? Сколько плёл он столетий?»

Дед Ветер – ворох из междометий:

«Что – фасебоок, а что гоогле транслете?»

В новостях Яндекса пишут про йети –

Дед испужался до дрожи в скелете.

Дед Ветер совсем не отчаян!

Спешит доказать, что и он обучаем!

Ни свет ни заря, поглядев чуть в окно,

Внучке садится писать он письмо.

Раньше писал он письма попроще:

«Я.вас.люблю», – для Снегурочки-дочки

И внучки-Снежинки – впадая в экстаз,

Бурю любви отсылал он всем враз.

Ныне же глупости те позади.

Ныне дед Ветер на новом пути.

На клавиатуре нашёл запятые,

В письма влагает он смыслы иные.

«В детском саду разучила стишок!»

Стараясь быть модным, ответил дед: «ОК!»

«Злодей Лиходей»

В Лихославле живёт Лиходей

Старый недруг детей и зверей

Как увидит нежданных гостей –

Сразу чих нападёт на людей

В суд идёт уж усталый народ:

Ничего лихача не берёт!

Как чихнёт Лиходей – вот беда! –

Топят слюни его города,

Сопли виснут сосульками с крыш –

Этакий вверх ногами камыш.

Струи чиха – как икс-рэй лучи –

Вырывают из стен кирпичи

Своим чихом злодей-Лиходей

Оставляет дома без гвоздей!

Не страшатся слюни его

Ни дверей, ни замков, ничего!

Ну уж нет, подожди, Лиходей!

Соберём и мы всех силачей,

И отправим тебя мы к кукушкам,

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Лучше на четвёртом небе с тобой, чем снова на дне в полном одиночестве» – переосмысление фразы «на седьмом небе от счастья», строчка из немецкой песни.

2

Фото из личного архива автора. В дни, когда сделано это фото, в Италии был пик эпидемии коронавируса. В Москве ещё не ввели режим самоизоляции, и люди всё ещё выбирались по вечерам в рестораны и кафе. Но порог ресторана итальянской кухни не переступал ни один посетитель – видимо, из-за какого-то суеверного страха. Опустевший интерьер итальянского ресторана в карусели после фото собаки тут (https://www.instagram.com/p/B-ApSYUnxUY/).

3

Фото из личного архива автора

4

Про селфхарм и дерматилломанию (#litres_trial_promo)

5

Все скрины созданы специально для книги. Это часть повествования, а не переписка реальных людей.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kazakova_mariya/cifry

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить